

*Моей маме, самой ценной
случайности в моей жизни*

*Сам по себе человек ничто. Он всего лишь бес-
конечная возможность. Но он несет бесконечную
ответственность за эту возможность.*

АЛЬБЕР КАМЮ. Записки бунтаря*

* Пер. О. Гринберг, В. Мильчиной.

Марсель, 2024

Небольшая площадка в конце тупика. Двое детей сидят на земле, вытянув ноги на асфальте и прислонившись спиной к дереву. Им по восемь лет, и кажется, что они знают друг друга целую вечность. Это не удивительно: они встретились в пространстве памяти, которая обо всем забывает.

Июль только начался, но скука и жара уже донимали их. Особенно ее, Помм, для которой все всегда идет слишком медленно. Ее другу пришла в голову идея устроить эти гонки улиток. Как всегда, она быстро втянулась в игру, начала кричать для поддержки, размахивать руками, пока он не напомнил ей, что у улиток нет слуха.

— Но тогда в чем смысл? — спросила она. — Раз мы никак не можем повлиять...

Не дожидаясь его ответа, она отошла в тень и в конце концов задремала.

— Помм! Помм, смотри!

Он толкнул ее локтем, чтобы она проснулась. К «ночной трассе» стремительно приближался дрозд. Дети со всех

ног бросились туда, но птица уже ухватила за хвост одного из моллюсков и улетела с добычей в клюве.

Уперев руки в бока, Помм смотрела на оставшуюся улитку с точкой синего лака на раковине, на ту, за которую болела.

— Получается, я выиграла, — сказала она с улыбкой.

— Тебе просто повезло, — проворчал он.

— Глупости! Везения не существует.

СТАНИСЛАС

2015

Если бы он был местом, то, скорее всего, это был бы тупик.

Так он думал, слушая радиопередачу, на которую случайно наткнулся: «Если бы вы были местом, Франсуа-Ксавье Рошуар...»

Ведущий задал этот вопрос своему гостю, писателю лет сорока, который в ответ улыбнулся радиоулыбкой. Его рот произвел едва уловимый звук.

— Я был бы... Знаете, в Сиене есть площадь, Пьяцца-дель-Кампо, которая своей формой напоминает раковину большого гребешка, а наклоном — амфитеатр. Она, кстати, вдохновила на роман Мишеля...

— Конечно! Настоящий шедевр! — восторженно перебил журналист.

— Однажды летом я поехал туда с родителями, чтобы увидеть знаменитое Сиенское Палио*.

* Сиенское Палио (итал. Il Palio di Siena) — традиционные скачки, проходящие в Сиене (Тоскана, Италия) два раза в год. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

— Замечательно...

— И я верю, что я — та часть детства, которая пытается существовать в бесконечной великой Истории, в этом музее жизни, которым является наша...

Станислас закатил к небу глаза и выключил радио. Тупик. Мы все — тупики. И ничего более. А тех, кто воображает себя сиенской площадью, он просто терпеть не может.

Он припарковался перед оштукатуренным домом, стоявшим в ряду других точно таких же домов, выстроившихся как по линейке на окраине города. Его родители живут здесь с тех пор, как съехались сразу после свадьбы.

Три года назад его мать покрасила ставни в лавандовый цвет, что придало этому кубу из шлакоблоков немного провансальский вид. Станислас не знает, чего в этом жесте больше: надежды на перемены или отчаянья от жизни, проведенной на окраине. Как бы то ни было, сегодня идет дождь.

Калитка не заперта. Проходя через нее, Станислас проносит: «Это я», и нет никаких сомнений в том, что это действительно он. У Синтии и Давида лишь один ребенок. Но, как всегда, все намного сложнее, чем кажется.

Его отец носит старый спортивный костюм темно-синего цвета и комнатные тапочки, с которыми не расстается целый день. Иногда он встает, выходит за дверь и достает почту из ящика. В остальное время он сидит в своем кресле, поглаживая подлокотник. Давид и это кресло похожи на дуэт французской эстрады. Два разных существа, которые

в конечном итоге сливаются воедино. Кстати, Станислас прозвал это кресло Джонатаном.

Его мать — маленькая энергичная женщина ростом около полутора метров. У нее высокие скулы, загнутые ресницы и заметные бицепсы, оставшиеся от прошлой жизни, в которой руки вечно были заняты завивкой клиенток. Сорок лет назад ее не звали Синтией. Так назывался салон-парикмахерская, который она выкупила у своей начальницы, ушедшей на пенсию. Поначалу она поправляла людей: Синтия — это не ее имя. Ее зовут Франсуаза. Но скоро сдалась. Даже муж стал называть ее Синтией.

В маленькой гостиной, как всегда, включен телевизор. «Так я обозначаю свое присутствие дома», — объясняет мать, как будто представляется ему, а отец вообще никак не реагирует. Воскресенье с родителями — это то, что ни в коем случае не ставится под вопрос. Это форма преданности, которая выдерживает все испытания. Главным образом испытание скукой.

— Курица еще не готова.

Станислас бросает украдкой взгляд на часы над духовкой, и правая бровь сама собой приподнимается от удивления. Без четверти час, а курица не готова. Эта информация сбивает его с толку, но он ничего не говорит. За свои почти сорок лет он повидал всякое. Всякое — да, но такого — никогда.

Пока обед готовится, он решает пройти в свою бывшую спальню — ту комнату, в которую он больше никогда не заходит. За двадцать лет здесь ничего не изменилось. Время

ничего не шадит, за исключением комнат детей, покинувших родительский дом. Он открывает дверь, и плакат с изображением сборной Франции по футболу восемьдесят четвертого года срывается со стены и падает к его ногам. Он перешагивает через него и садится на кровать, чтобы осмотреть музей своей юности, который не интересен никому, даже ему самому.

Узор на его пододеяльнике вполне мог бы быть воспроизведен на скатерти или же на кухонном полотенце. Он говорит себе, что, пожалуй, это лучше всего описывает вырождение того, что считается хорошим вкусом. Некий оптимизм, который не знает, что его ждет впереди. Гитара прислонена к стене, а стопка кассет покрыта пылью. Его увлечение музыкой длилось неделю. Ровно столько времени ему потребовалось, чтобы понять, что он не сможет таким образом произвести впечатление на Магалли. С двумя «л». Затем были Корина через «о», Ана с одним «н» и Сандринна с двумя «н». Интересно, стоит ли делать какие-то выводы из этой тяги к нетипичной орфографии обычных имен?

Он слышит, как мать зовет его из кухни, встает, делает несколько шагов по старому ковровому покрытию и наступает на плакат, который тут же прилипает к ботинку. Он пытается отодрать его, но желтая липучка крепко держится за подошву, и бумага рвется. Тогда он и замечает, что на тыльной стороне плаката скотчем приклеена фотография девочки.

Он не думал о ней уже много лет. А ведь в юности ему казалось, что он никогда не сможет ее забыть.

2

Ее звали Сарра. С двумя «р». В первый день занятий они оба, опоздав на двадцать минут, оказались перед списком классов, вывешенным на воротах школы. Их пальцы даже на мгновение соприкоснулись, когда они нашли свои имена. Сарра Герель и Станислас Желен. 3 «С»*. Затем они шли бок о бок, не показывая вида, что торопятся, к классу, где остальные ученики уже сидели, не сводя глаз с классного руководителя. Она постучала в дверь, извинилась за то, что они оба опоздали. Она, опять же, заняла место в первом ряду, за партой, стоявшей впритык к столу месье Маршана. Станислас сел там, где смог. От его соседа сильно пахло потом, и это послужило Станисласу назиданием о пользе пунктуальности.

Сарра была высокой, тонкой и стройной. Смуглая кожа и густые черные волосы. Плоское тело в том возрасте, когда весь мир крутится вокруг появления первых округлостей.

* Третий класс по французской системе образования соответствует российскому восьмому.

Глаза несуществующего цвета. Золотисто-серые. Самое ценное сокровище. Она часто оставалась одна. Читала книгу на скамейке. Она редко улыбалась, убегала, как только звенел звонок, чтобы успеть на автобус. Номер пятнадцать. Станислас изучал линию, прикидывая, на какой остановке она может выходить. Но это было потом. А пока он, как и все мальчишки из 3 «С», смотрел только на Мелоди, на ее белую кожу, голубые глаза, светлые волосы. И ее грудь третьего размера.

Станислас думает о Сарре и о фотографии, которую сунул в карман брюк.

— А ты в курсе, что сын Женеьевы уехал жить в Колумбию?

— Клеман?

— Жан-Батист.

— Нет, не в курсе.

— Это все-таки Колумбия, мне было бы беспокойно...

— Я не собираюсь переезжать в Колумбию, мама.

Мать громко смеется, и он задумывается: смеялась бы она так, если бы ей не приходилось в течение сорока лет перекрывать шум фена?

— Я знаю, дорогой.

Она отложила столовые приборы и взяла сына за руку. Медленно наклонив голову набок, она улыбнулась.

— Я даже не помню, когда ты в последний раз уезжал из города.

Целуя ее на прощание, Станислас делает глубокий вдох. Несмотря на то что она уже много лет не работает, от матери до сих пор пахнет лаком для волос, перекистью водорода и косметическими средствами. Этот запах напоминает ему о детстве, которое прошло в салоне красоты, узком, как коридор, зажатом между табачной лавкой и прачечной. Он слушал разговоры женщин, их доверительные беседы — тогда не принято было ходить по психологам. Нужно было продержаться от укладки до укладки.

«Красота — это наша тюрьма и наша свобода одновременно», — сказала ему однажды Синтия. Он не нашелся что ответить. Вечером, придя домой, он заперся в ванной и долго смотрел на себя в зеркало. Ему вдруг показалось, что быть мальчиком — ужасная трагедия. Мужчины таковы, каковы они есть. Ничего не поделаешь, сказал он тогда своему отражению, а затем повторил это своей матери. Мать посчитала его не по годам развитым юным философом.

Мужчины таковы, каковы они есть. Но, возможно, в конце концов это открытие его успокоило. Можно прожить любую жизнь, какую захочешь, имея на то веское оправдание.

Он толкает дверь своей пустой квартиры. Раньше собака встречала его прыжками, но она умерла три месяца назад, и Станислас решил, что мертвых не заменяют. Поэтому он завел себе золотую рыбку, которую из желания быть верным действительности назвал Оранж. Ключи он кладет в миску для мелких карманных вещей. Это предмет, на который он всегда обращает внимание, когда приходит к людям в гости. Место для хранения интересует его не меньше, чем его содержимое. Под его обманчивой небрежностью всегда скрывается послание, которое нужно передать. С тех пор как он это понял, это стало его способом узнавать других людей. Тех, кто привез «вещицу» с другого конца света, тех, кто нашел красивое блюдо на блошином рынке, или тех, кто пустил в дело старую миску, которую с таким же успехом можно было бы использовать для завтрака.

Он достал фотографию Сарры и несколько секунд рассматривал ее, а потом прикрепил магнитом к дверце холодильника. Он вдруг почувствовал себя смешным из-за меланхолии, которая нахлынула на него и которую он

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru